

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ, ОБЩЕСТВА И ПРОСВЕЩЕНИЯ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. В ИСТОРИОГРАФИИ

*Самара. Самарская государственная академия
культуры и искусств*

В России XVIII – первой половины XIX вв. были осуществлены важные реформы, которые обеспечили создание и развитие системы народного образования в масштабе государства. Продолжаются споры о цели и результатах этих реформ, об их значении в истории страны. Целью данной статьи является анализ степени изученности вопросов, касающихся проблем взаимоотношения власти, общества и школы в указанное время. Здесь показаны основные результаты исследования этих реформ, существующие взгляды на их социально-политические цели и последствия, на ту роль в их осуществлении, которую сыграли органы государственной власти и группы русского общества.

Отчет истории России и русской культуры нового времени традиционно ведется с первой четверти XVIII века. Критерии оценки состояния общества не могут ограничиваться экономической и политической сферами. Важнейшим показателем этого состояния является и культурная среда, особенно такой ее пласт как образование и воспитание. Хозяйственные, военные и административные реформы начала XVIII в. нельзя было завершить и закрепить без взращивания целой генерации инженеров, офицеров и управленцев, а следовательно без создания при Петре I светской профессиональной школы. Последняя была дополнена в 30-60-е гг. этого столетия немногочисленными закрытыми сословными учебными заведениями, а также Московским университетом с подведомственными ему двумя гимназиями в старой столице и Казани.

Для подавляющего большинства населения даже в городах доступными оставались только традиционные формы обучения, воспроизводившие в новых поколениях традиционное общество и культуру, которые затем с трудом поддавались изменению даже под сильным воздействием экономических и политических факторов. Более того, сила культурной инерции приглушала или просто гасила перемены как в торгово-промышленной, так и в социально-правовой областях.

Несомненным кажется вывод, что только создание новой массовой общобразовательной школы могло закрепить результаты уже проведенных преобразований в русской общественно-экономической жизни и подготовить почву для будущих перемен. В силу различных причин начальный этап становления общегосударственной системы образования в Рос-

сии протянулся с 1780-х до 1850-х гг. Изучение данной стороны российской истории указанного периода имеет несомненную научную важность. Следует учесть и то, что среди отечественного вклада в мировую культуру бесспорной ценностью признаются достижения нашей науки и образования во второй половине XIX – XX вв., а они были бы невозможны без опыта народного просвещения, накопленного в ходе школьных реформы в царствования Екатерины II и ее внуков, Александра I и Николая I.

Имеется довольно значительная специальная литература, посвященная русской культуре и просвещению. В этой литературе введен в научный оборот обширный корпус источников, сделаны интересные наблюдения и выводы. Наиболее полно оказались исследованы прежде всего собственно педагогические и правовые вопросы истории русской школы: проекты и законы, педагогические взгляды и административное управление, устройство отдельных учебных заведений, пособия и методики.

Еще в дореволюционное время появились труды Д.А. Толстого и С.В. Рождественского по истории подготовки в правительственных кругах и дальнейшего осуществления образовательных реформ XVIII в. [1]. Влияние западноевропейских просветителей на эти реформы рассматривалось исследователями как в указанных обобщающих трудах, так и в специальных работах Я.К. Грога, М.Ф. Шугурова и др. [2]. В XX в. выходят книги о роли в становлении народной школы Академии наук (Смагина Г.И.) и Казанского университета (Шуртакова Т.В.) [3].

Существуют интересные работы о ходе школьных реформ в отдельных регионах. Внимательно были изучены учебные заведения Петербургской и других северных губерний [4]. Вышли труды по истории учебных заведений Москвы, других городов и территорий: Поволжья, Воронежского края и др. [5].

Были предприняты попытки создания хронологических справочников возникновения учебных заведений России. Как ни покажется странным на первый взгляд, но более ранний из этих опытов П.И. Кеппена остался более удачным, точным и интересным, чем последующие, например, Н.А. Лебедева, что объясняется разницей в профессиональном и научном уровне составителей [6].

Интересные работы созданы по проведению школьных реформ в отношении отдельных сословий, в т.ч. государственных и удельных крестьян [7]. По церковным учебным заведениям существуют исследования П.В. Знаменского и Б.В. Титлинова об их положении до реформирования в 1808 г. и после [8]. Обобщена история гимназического образования [9].

Полезный труд Е.П. Карновича раскрывает состояние статистики просвещения в России на середину XIX в. Опубликованы статистические данные о состоянии грамотности и образования в XIX в. по стране в целом (Рашин А.Г.) и по отдельным губерниям, в т.ч. Самарской (Варенцов В.Г.),

а также количественные сведения по школьному делу конца XVIII в. (Белявский М.Т.) [10].

Важные грани проблемы освещают биографические описания видных государственных деятелей, с именами которых связаны как либеральные, так и охранительные образовательные реформы разных лет. В это связи можно назвать книги о министрах просвещения П.В. Завадовском и С.С. Уварове, попечителе Казанского учебного округа М.Л. Магницком, диссертационные исследования о деятельности того же Уварова, а также еще одного попечителя Казанского округа – М.Н. Мусина-Пушкина [11]. Есть работы и о деятелях народного просвещения, стоявших у истоков общеобразовательных школ в провинциальных городах Поволжья [12].

Нельзя отрицать ценность уже накопленного и осмысленного научной материала. Однако в исторической литературе прослеживается недооценка значения реформ образования для развития страны в целом, слабое внимание к механизмам их проведения, односторонность и идеологическая заданность оценок. Недостаточно изученными оставались вопросы сложных взаимоотношений власти, общества и школы в ходе создания и реформирования системы общеобразовательных учреждений.

Перечисленные выше особенности присущи работам и дореволюционных авторов, и советских ученых, и современных исследователей. Приведем самые наглядные примеры.

В историографии, посвященной общему ходу исторического развития и реформ в России, отдельным периодам или конкретным попыткам государственных преобразований стало общим местом упоминание школьных реформ вскользь, вплоть до полного умолчания о последних. Так, столь разные историки, как А. Брикнер и В.О. Ключевский, оба подчеркивали в царствование Екатерины II создание новых закрытых учебных заведений и обходили вниманием собственно школьную реформу. В некоторых работах, вышедших в последние десятилетия, не повезло преобразованиям Александра I в области просвещения. В одних трудах эти реформы даже не рассматриваются в ряду других государственных преобразований (Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988). В других говорится только о высшей школе, а министерство народного просвещения представлено как учреждение, не заботившееся о деле народного образования и заслуживающее одних насмешек (Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982).

Наряду со сложностью поиска источников по рассматриваемым вопросам и недооценкой значения школьного дела, нерешенность этих вопросов была вызвана идейными спорами в русском обществе. Полемика по данным вопросам началась сразу после начала школьной реформы 1780-х гг. Интересно, что тогда одновременно высказали свои точки зрения на реформу три самых известных российских историка второй половины XVIII в.

Иван Никитич Болтин увидел в ней первый шаг к отмене крепостного права и гражданским свободам: «Прежде должно учинить свободными души рабов, говорит Руссо, а потом уже тела. Мудрому сему правилу последовала великая Екатерина: желая снять узы с народов, скипетру ее подверженных, предначинает сие великое и достойное ее намерение освобождением душ их от тяжелой и мрачной неволи невежества и суеверия. Не на иной конец устроятся, по высочайшей ее воле, по всему государству училища для нижних чиновостояний, дабы приуготовить души юношества, в них воспитываемого, к восприятию сего великого и божественного дара, дабы учинить их достойными вольности и способными к снесению ее» [13].

Август-Людвиг Шлёцер давал более критичные оценки и разделил царствование императрицы по отношению к народному просвещению на два периода. Первый оказался временем пустого и вредного прожектерства: «Планы, собственно, были хорошими; но исполнение планов вследствие благосклонности, давления или случая часто доверялось людям, разум и чувства которых они в то время (около 1764 г. и т.д.) не затрагивали...» Шлёцер продолжал: «Тут появлялись вещи, ... проектируемые камердинерами, от которых каждому, кто имел какое-либо представление о тех вещах и был честен в отношении России, должно было стать страшно и жутко». Хотя «почти из всего ничего не вышло», но по поводу состояния этих учебных заведений посылались «за границу бурные похвалы; немецкие, голландские и французские неосведомленные или даже оплаченные газетчики под звон труб печатали их: и сотни других писателей повторяли, и даже заносили это легкомыслие в компендиумы...» [14].

Со временем Екатерина II, считал Шлёцер, «сама поняла, что все, что до сих пор произошло при ее правлении с такими большими расходами во имя истинного просвещения народа ее безграничной империи, не совпало с ее намерениями. Убежденная в необходимости использования других средств, создания других учреждений и выполнения многих больших дел, императрица, наверно, уже опросила об этом многих ученых и уважаемых мужей: и, наконец, разумно выбрала лучшее среди этого». Шлёцер предрекал школьной реформе, начатой в России в 1780-е гг., большое будущее: «Теперь, кажется, находятся на пути, который обещает больше прогресса, чем все другие русские проекты, предпринятые в течение 20 лет: и каждый, кто несколько знает мир из истории и отважится пророчествовать..., согласится, что из всех дел, которые отличают правление Екатерины II, ни одно не окажет на потомков более непреходящего влияния, ни одно не будет более тщательно занесено в мировые анналы, чем 1) победы Румянцева над турками и 2) создание школ по всей империи. Благодаря последнему вернулись времена Ярослава (Мудрого – Я.А.), который сделал своих русских именно с помощью таких учреждений более образованными людьми, чем были в то время итальянцы, французы, немцы и британцы».

Михайла Михайлович Щербатов в знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» подверг резкому осуждению образовательную политику императрицы: «Множество учиненных ею заведений, являющихся для пользы народной заведенных, в самом деле не суть, как токмо знаки ея славолюбия, ибо, естли бы действительно имела пользу государственную в виду, то, учиня заведения, прилагала бы старания и о успехе их, но, довольствуясь заведением и уверением, что в потомстве она яко основательница оных вечно будет почитаться, о успехе не радила и, видя злоупотреблении, их не пресекала» [15].

Начавшиеся с Щербатова критические выпады против той или иной школьной реформы, а также сразу против всех этих реформ стали непременным мотивом в историографии второй половины XIX – начала XX вв. Авторы, дававшие определенно положительную, даже несколько идеализированную оценку поступательному развитию народного образования в России от Екатерины до пореформенной России, совместным усилиям власти и общества в этом процессе, оставались в меньшинстве (Довнар-Запольский М.В. Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М., 1906). Однако это не означало, что критически настроенное большинство стояло на единых позициях. Высокоставленные чиновники от образования (министр просвещения Д.А. Толстой, директор училищ столичной губернии А.С. Воропов), не могли не упрекнуть своих предшественников, хорошо представляя по роду своей деятельности допущенные недостатки при создании и развитии отечественной школы. Однако такая критика носила больше технический, нежели идейный характер.

В выступлениях сторонников русской церковно-приходской школы также было немало критического запала в адрес всех реформаторов школы прошлых царствований за откровенно светский и «немецкий» характер вводимого образования. Для лидера этого направления С. Миропольского, члена училищного совета при Святейшем Синоде, даже образовательная политика Николая I с активным привлечением духовенства в общеобразовательную школу и имени православия в триединую формулу «официальной народности» оказалась мало приемлемой. Не случайно он насытил яркими картинами безобразий, творимых в дореформенных училищах свои работы [16]. «Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени» и «Школа и государство. Обязательность обучения в России».

Источники, на основании которых делал свои обобщения Миропольский, были более чем сомнительны. Это не мешало активно ссылаться на его сочинения представителям прогивоположного идейного лагеря. Так, Миропольского обильно цитировали В.И. Чарнолуцкий и Г.А. Фальборк, получившие известность своими публикациями в народнических и либеральных изданиях, а также широко тиражировавшие свои взгляды через такую авторитетную и популярную энциклопедию, как словарь Брокгауза

и Ефрона. В их работах, хотя и в дозволенных цензурой рамках, выражалось откровенное недовольство именно использованием школы в качестве орудия «узкой националистическо-правоверной политики государства», явное неприятие как правительственной, так и церковной опеки над школой [17].

Кроме критики состояния образования в течение всего периода екатерининского, александровского и николаевского царствований, взгляды последовательных консерваторов и радикально настроенных реформаторов соприкасались и в вопросе о реакции русского общества на школьные реформы XVIII – первой половины XIX вв. Глубокое расхождение правительственных целей и усилий с настроениями широких масс в изучаемую эпоху однозначно усматривали и те, кто выступал с осуждением власти, лишившей доступа к образованию задавленный крепостническим гнетом народ [18], и те, кто считал, что этот народ не принимал новую школу в силу глубинных православных традиций. По Миропольскому, реформы школы разрушили «равенство образования, соединявшее все сословия допетровской Руси в одно целое», в результате чего «новое образование отделило народ от высших сословий» [19].

Более осторожной и избирательной выглядела позиция умеренных либералов. По их мнению, в период «просвещенного абсолютизма» Екатерины и Александра «народной школе посчастливилось обратить на себя исключительное внимание в благожелательном смысле, и в течение этого времени не было недостатка в различных мероприятиях, клонившихся к ее пользе и возможному процветанию». «Эпоха наиболее тяжелого для школ режима» пришлось на 1820-е – первую половину 1850-х гг. Она стала «временем скорее разрушения, чем развития школы», когда, «если и терпелось ее прозябание, то лишь как необходимое зло». Признавая необходимость исключительно светского характера высшего и среднего образования, эти авторы отдавали должное и духовенству за его заботы о начальной школе [20].

По вполне понятным причинам обличительный пафос любого толка (народнического, либерального, консервативного, националистического) из дореволюционных трудов уже в марксистской интерпретации оказался к месту в советской исторической и педагогической литературе, посвященной народному образованию XVIII – первой половины XIX вв. Достаточно выразительным можно считать следующее положение: «Напуганное размахом крестьянской войны и французской революцией, правительство в 1786 г. приняло проект об открытии народных училищ в городах, стараясь привлечь на свою сторону купечество и городское мещанство. Эти училища организовывались не столько для обучения грамоте, сколько для воспитания верноподданных с помощью закона божьего и изучения специально составленной учебной книги «О должностях человека и гражданина»... Школьная реформа Екатерины не встретила сочувствия среди насе-

ления» [21]. Серьезных доказательств этому умозаключению, конечно, не предпослано. Впрочем, автора не смутил и тот факт, что школьная реформа началась за несколько лет до начала революции во Франции.

Более серьезные советские исследователи общественной мысли и культуры не допускали таких бездоказательных и безапелляционных суждений. Признавали они, правда, с неизбежными оговорками, и прогрессивный характер новой народной школы. Однако отрицание искренности намерений коронованных реформаторов заставляло и их искать иную общественно-политическую подоплеку, чтобы не сойти с позиций официальной историографии. Действительно, Екатерина II задала загадку, неразрешимую в рамках марксистского социологического подхода. Последний не останавливался в сомнениях перед оценкой мероприятий Петра I и его наследников, в том числе Екатерины II, по созданию профессиональной и словесной школы как соответствующих интересам самодержавного государства и господствующего класса. Объяснить подобным образом появление всесловных бесплатных общеобразовательных народных школ было невозможно.

Один из путей выхода из создавшегося затруднительного положения для критиков екатерининской политики, был предложен еще дореволюционными исследователями. Так, П.Н. Милюков считал «деятельность комиссии народных училищ» ответом Екатерины II на вызов Н.И. Новикова и его сторонников, открывших две частных общеобразовательные школы в Петербурге [22]. Тезис о «вызове» русских просветителей, брошенном самодержавию в школьном деле [23], об осуществлении реформирования образования «под давлением прогрессивной общественности» [24] беспрепятственно был воспринят в советской историографии: «Правящие круги и сама императрица с беспокойством следили за ростом общественного самосознания, за расширением деятельности Новикова, за распространением религиозно-нравственных исканий. Необъявленной задачей реформы народного образования 1782-1786 гг. было подчинение правительственному контролю и влиянию этой важнейшей области духовной жизни» [25].

Показав, как они считали, вынужденный со стороны самодержавия характер школьных реформ, многие советские исследователи считали, что тем самым была доказана и искомая классовая сущность правительственных мероприятий: «Политика самодержавно-крепостнического государства в рассматриваемое время влияла на состав предметов, изучавшихся в школах, на цели их изучения, была направлена на насаждение в школах охранительных идей, на борьбу с проявлениями свободомыслия и критики самодержавно-крепостнического строя» [26]. Становилась при этом возможной оценка Устава народных училищ 1786 года как «отражавшего интересы господствующего дворянского сословия» [27], которая совершенно не вытекает из его текста.

В некоторых работах последних лет продолжает звучать ставшая в советское время привычной интерпретация образовательных реформ начала XIX века: «Все это создавало видимость буржуазной реформы школы, доступности образования для всех сословий Российской империи. Однако видимость эта была обманчивой, и буржуазный характер проводимых мероприятий значительно ограничивался сохраняемыми феодальными чертами» [28]. Однако появляются взвешенные и более объективные объяснения тех трудностей, которые действительно тормозили развитие народного образования в стране в правление Александра I. «Начальное образование передано было в основном заботам общества, а общество не прониклось еще в полной мере идеей пользы просвещения. Должно было пройти не одно десятилетие, чтобы мысль о необходимости просвещения народа была воспринята самим народом», пишет Е.К. Сысоева [29]. Высокая значимость и прогрессивность образовательных реформ этого царствования подчеркивается, по мнению В.А. Федорова, привлечением к их разработке М.М. Сперанского, которому поручали самые ответственные участки государственного управления [30]. Как считает Ф.А. Петров, результативность этих реформ подчеркивается также тем, «что в отличие от двух других ключевых вопросов России – освобождения крестьян и введения конституционного строя – в области народного образования правительство Александра I добилось наибольших успехов» [31].

Даже, казалось бы, незыблемая еще с давних времен негативная оценка политики Николая I в области культуры, на которой сходились и либералы, и консерваторы, и народники, и марксисты, выглядит не столь бесспорно, как прежде. Так, убедительно звучит мнение исследователей, что в целом «вторая четверть века, совпавшая полностью с Николаевским царствованием, стала временем подъема в культуре русской провинции», а определенную положительную роль в этом процессе сыграла даже известная триада графа Уварова [32]. Последний, как утверждает Ф.А. Петров, имел «собственную программу развития народного образования в основу которой были положены не только назидательно-запретительные принципы, но и научно-просветительские идеи» [33].

Совсем недавно школьная политика второй четверти XIX в. рассматривалась как абсолютное препятствие на пути прогресса, поскольку «тормозила распространение образования», хотя и «бессильна была его остановить» [34]. Внимательное следование за источниками привело более объективных исследователей к выводу, что именно к 1830-40-м гг. следует отнести «факт появления организованной сельской школы» в России. В этом факте проявились усилия и государственных ведомств, и духовенства, и образованных помещиков, вроде тех, кто создал Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства [35]. Подчеркивается, что в результате развития школьного дела в городе за вторую четверть XIX в. практически не осталось уездных городов, где бы не было уездных училищ

[36]. Изложенные выше выводы вполне согласуются с данными по селам и городам Поволжья и Заволжья, полученными автором данной статьи [37]. Материалы центральных и местных архивов позволили ввести новые источники в изучение даже таких неожиданных для дореформенной деревни явлений просвещения, как участие сельских учителей и рядовых жителей в научных изысканиях [38].

Развернутую формулировку оценки всего николаевского царствования предложил Б.Н. Миронов: «..При Николае I получило дальнейшее развитие многое из того, что начинало осуществляться при Екатерине II и Александре I в сфере прав сословий, укрепления законности в управлении, распространения образования, ограничения крепостничества -- все это готовило почву для следующего либерального царствования». Ближе к нашей теме оценка становится еще благожелательней: «В целом вторая четверть XIX в. – время расцвета литературы, науки, искусства, образования». Автор разъясняет при этом, что имеет в виду все уровни образования: высшего, среднего «и народного просвещения» [39].

Такой взгляд на эпоху Николая I является частью общей концепции Миронова. Он, во-первых, считает, что из всех социально-политических сил страны именно «российское самодержавие являлось лидером модернизации, бесспорным проводником экономического, культурного и социального прогресса в стране». Во-вторых, он отводит образовательным реформам место в одном ряду с важнейшими государственными преобразованиями. В-третьих, он приходит к выводу, «что распространенное в литературе мнение о том, что царизм тормозил развитие просвещения не соответствует действительности», а потому «не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а, наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существовавшая система народного просвещения» [40].

Отход от идеологических догм недавнего прошлого следует оценить положительно. Правда, он не всегда сопровождается привлечением новых важных источников. Некоторые авторы ограничиваются повторением накопленного в досоветское время материала, вводя новые сведения весьма локального звучания и мало связанные с основной темой. Например, для показа школьной политики Екатерины II, к известным по литературе фактам деятельности правительства в области светского образования механически присоединяются сведения об усилиях одной из местных епархий по улучшению работы своих учебных заведений [41]. Попытка дать общую картину духовного образования в России ограничилась тем, что уже опубликованные материалы по училищам различных конфессий были дополнены архивными источниками только по мусульманским школам [42].

Вообще замечается тенденция роста числа работ, авторы которых практически обходят стороной дела центральных архивов, возможно, посчитав их исчерпанными предшественниками. Такой вывод был бы более

чем преждевременным. Даже по школьной реформе Екатерины II, казалось бы, наиболее изученной, остались неразработанными как отдельные важные документы, так и целые их пласты. Все они за многие десятилетия редко использовались исследователями. Лишь в единичных случаях были использованы из архивных фондов Комиссии об учреждении училищ общероссийские данные и некоторые т.н. «полугодовые ведомости» по Рязанской губернии [43] и Москве [44], причем не полностью, а только в части содержащихся в них сведений о числе учащихся и их сословном составе. Журналы и определения Комиссии в плане интересовавших ее вопросов проработывала и Г.И. Смагина[45]. Попытка как можно более полно привлечь архивные документы Комиссии об учреждении училищ и ряда других учреждений, имевших отношение к политике в области просвещения в XVIII – начале XIX вв., по одному из крупных регионов страны (Юго-востоку Европейской России) была предпринята в монографии автора данной статьи [46].

Научные споры, затрагивающие взаимоотношения власти, общества и школы в России конца XVIII - первой половины XIX вв., и обширный круг источников, позволяющих подойти к их решению, определяют основные пути исследования поставленной темы. Становится очевидным, что школьные реформы, осуществленные в России до отмены крепостного права, были нацелены не только на удовлетворение потребностей дня, но и на стратегическую перспективу постепенной модернизации традиционного строя русской жизни. В этом отношении они выполнили свою задачу, сыграв важную роль в интеллектуальной и идейной подготовке будущих Великих реформ, которые были вызваны не только хозяйственными или военными, но и изменившимися моральными и культурными потребностями страны. Российский абсолютизм все время от Екатерины II до Александра II, по сути, не переставал оставаться «просвещенным» в прямом смысле этого слова, то есть понимающим необходимость широкого распространения образования и принимающим на себя ответственность за это. Перечень основных проблем, выделенных в данной статье, накопленный в литературе и обозначенный здесь материал показывают непреходящую научную значимость продолжения изучения вопросов сложных социальных, политических и культурных факторов отечественной истории, сконцентрированных в емком, многозначном термине «просвещение».

Литература

1. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года // Записки имп. Академии Наук. СПб., 1883. Т.XLVII, Приложение. №2; Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XLI. №2. СПб., 1886; Рождественский С.В. Очерки по истории систем

народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т.1 // Записки историко-филологического факультета имп. Санкт-Петербургского университета. СПб., 1912. Ч.СIV.

2. Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.XX. СПб., 1880; Шугуров М.Ф. Дидро и его отношения к Екатерине II // Оснадацатый век. М., 1868. Кн.1.

3. Смагина Г.И. Академия наук и Российская школа (вторая половина XVIII в.). СПб., 1996; Шуртакова Т.В. Руководство Казанского университета развитием начального и среднего образования в учебном округе в 1805-1836 гг. Казань, 1959.

4. Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. СПб., 1849; Его же. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 год. СПб., 1854; Петров К. История Олонецкой дирекции до 1808 года // ЖМНП. 1866. Ч.132. №12; Отто Н. Училища и грамотность в Вологодской губернии до открытия гимназии // ЖМНП. 1866. Ч.132. №11; Сухомлинов М.И. Заметки об училищах и народном образовании в Ярославской губернии // ЖМНП. 1863. Ч.117. №1.

5. Эйнгорн В.О. Московское главное народное училище в конце XVIII в. // ЖМНП. 1910. Новая серия. Ч.26. №4; Столетие Московской 1-й гимназии. 1804-1904 / Сост. И.О. Гобза. М., 1903; Рабинович М.Д. К истории просвещения в России в конце XVIII в. (Саратовская солдатская гарнизонная школа в 1793 г.) // Исторический архив. 1958; Афанасьев П.А. Школы среди инородцев Казанского края до Н.И. Ильминского // ЖМНП. 1913. Новая серия. Ч.48. №12; Артемьев А.И. Казанские гимназии в XVIII столетии // ЖМНП. 1874. Кн.173, 174, 176; №5,7,11; Харламович К. Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.). Казань, 1905; Артамонова Л.М. К 175-летию народного образования в Самаре // Самарский земский сборник. 2000. №1; Ее же. Калмыцкая школа в Ставрополе // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. №2; Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края, XVIII - начало XX века. Воронеж, 1999.

6. Кеппен П.И. Опыт хронологического списка учебным заведениям, состоящим в ведении Министерства народного просвещения (с 1424 по 1826 год) // Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1827. Т.3; Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год. СПб., 1875.

7. Раев А. О мерах к распространению образования между государственными и удельными крестьянами // ЖМГИ. 1860. Кн.75. №9-11. Отд.2.

8. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001; Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Вып.1-2. Вильна, 1908-1909.

9. Алешинцев И.А. История гимназического образования в России. СПб., 1912.

10. Карнович Е.П. О разработке статистики народного просвещения в России. СПб., 1863; Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в // Исторические записки. М., 1951. Т.37; Варенцов В.Г. О состоянии народной грамотности в Самарской губернии // Памятная книжка Самарской губернии за 1863-1864 гг. Самара, 1864; Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая. 1959. №2.

11. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; Хотеев В.Ф., Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской Империи Петр Васильевич Завадовский. М., 1998; Феоктистов Е.М. Материалы для истории просвещения в России. Магницкий. СПб., 1865; Шевченко М.М. Политика самодержавия в области народного просвещения и печати в 1848-1856 годах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Галиуллина Р.Х. Михаил Николаевич Мусин-Пушкин - попечитель Казанского учебного округа (1827-1845 гг.) Автореф. дис., канд. ист. наук. Казань, 1987.

12. Арнольдов М. К материалам для истории просвещения в России в эпоху Александра I. Учреждение в Саратове гимназии и первые ее директора: Шестаков и Ченыкаев. Тифлис, 1870; Артамонова Л.М. Первый учитель и штатный смотритель уездного училища в Самаре XIX века Василий Онуфриевич Барщевский // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: Сб. статей и материалов. Самара, 2003.

13. Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т.2. С.236-237.

14. Russische Schul Projecte // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т.ХLI. №2. СПб., 1886. С.133-134. Примечания Шлёцера.

15. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России (подлинный авторский текст) // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радишева. М., 1983. С.126.

16. Миронольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб, 1910; Его же. Школа и государство. Обязательность обучения в России. СПб, 1883.

17. Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Народное образование в России. СПб., 1900. С.7-8, 12, 35-36, 40.

18. Фальборк Г.А., Чарнолуцкий В.И. Указ. соч. С.20-21.

19.Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб, 1910. С.217.

20.Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С.14, 190, 237; Ткачук В. Рец. на кн.: Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910 // Исторический вестник. 1911. №5. С.657-658.

21.Сычев-Михайлов М.В. Из истории русской школы и педагогики XVIII в. М., 1960. С.92, 96.

22.Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 Т.М., 1995. Т.3. С.353-354.

23.Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч.2. С.272-273.

24.Антология педагогической мысли в России XVIII в. М., 1985. С.22.

25.Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987. С.84.

26.Белявский М.Т. Школа и образование. С.293.

27.Антология педагогической мысли в России XVIII в. С.22.

28.Яковкина Н.И. История русской культуры. Первая половина XIX века. СПб., 1998. С.15.

29.Сысоева Е.К. К истории начального образования в России в первой четверти XIX в. (Училишный устав 1804 г.: идеи и их реализация) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. №5. С.29.

30.Федоров В.А. Михаил Михайлович Сперанский // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С.43.

31.Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998. Кн.1. С.198.

32.Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С.140, 142.

33.Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 2000. Кн.3. С.196.

34.Эймонтова Р.Г. Просвещение в России первой половины XIX века // Вопросы истории. 1986. №10. С.93.

35.Кузнецов С.В. Культура русской деревни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С.239; Лыскова О.В. Государственная и частная благотворительность в народном просвещении начала XIX в. // Благотворительность и милосердие. Саратов, 1997; Артамонова Л.М. Участие духовенства в развитии начальной сельской школы дореформенной России // Четвертые Иоанновские Чтения.

Самара, 2000; Ее же. Церковь и образование во второй половине XVIII - первой половине XIX вв. // Пятое Иоанновские Чтения. Самара, 2001; Ее же. Благотворительность православного духовенства в отношении общеобразовательных школ российской провинции первой четверти XIX в. // Седьмые Иоанновские Чтения. Самара, 2003.

36. Кошман Л.В. Город в общественно-культурной жизни // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. Т.1. Общественно-культурная среда. С.31,68.

37. Артамонова Л.М. Политика создания сельских школ при Николае I и ее реализация в юго-восточных уездах Европейской России // Самарский земский сборник. 1999. №1.; Ее же. Открытие первой школы в уездной Самаре начала XIX века // Краеведческие записки. Вып. IX. Самара, 2000; Ее же. Самарское уездное училище и отношение к нему местного общества в начале царствования Николая I // Самарский земский сборник. 2002. №1.

38. Артамонова Л.М. Начало школьного образования и научных исследований в Усольской вотчине в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Самарский земский сборник. Вып.3. Самара, 1996; Ее же. Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского географического общества в 1847 г. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. №3.

39. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1999. Т.2. С.217.

40. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т.2. С.226-227.

41. Титков Е.П. Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999.

42. Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань, 1998.

43. Белявский М.Т. Школа и система образования в России в конце XVIII в. С.112.

44. Лепская Л.А. Состав учащихся народных училищ Москвы в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1973. №5.

45. Смагина Г.И. Указ. соч. С.94, 96, 97, 104.

46. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001.